

ГЕШТАЛЬТ – И ЭПАТАЖ КАК ТВОРЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЮРОДИВЫХ

Герасимова С. В.

Российский государственный университет
им. А. Н. Косыгина
Московский политехнический университет
Москва, Россия

Аннотация:

Преодолевая стереотипное представление ученых, считающих, что концепты в сознании человека складываются в результате восхождения от опыта к обобщению, современная нейролингвистика свидетельствует о профетической функции мозга. Стереотипность сознания способствует трансляции культурных ценностей. Но и формирует гештальты и игры (по Э.Берну); поведенческие модели, из-за которых в святоотеческой традиции появилась концепция «жизнь есть сон». Эпатируя, юродивый ломает стереотипное представление человека о мире, возвращает сознание к творческому восприятию жизни и к творческому общению.

Ключевые слова:

культурный код, предсказательное кодирование, Достоевский, трикстер, абсурд, глаголица, апофатическое богословие

GESTALT - AND SHOCKING AS THE CREATIVE BEHAVIOR OF HOLY FOOLS

Gerasimova S. V.

The Kosygin State University of Russia
Moscow Polytechnical University
Moscow, Russia

Abstract:

While overcoming the stereotypical idea of scientists, believing, that concepts in a person arise as a result of the transition from experience to generalization, modern neurolinguistics testifies to the prophetic function of the brain. Stereotypic consciousness ensures the transmission of cultural values. But it also forms gestalts and games (according to E. Bern); behavioral patterns that gave rise to the concept of “life is a dream” in the patristic tradition. By shocking, the holy fool breaks a person’s stereotypical idea of the world, returns consciousness to a creative perception of life and to a creative society.

Keywords:

cultural code, predictive coding, Dostoevsky, trickster, absurd, Glagolitic alphabet, apophatic theology

Цель исследования – уточнить понятие «гештальт» и определить место юродства в культурной картине мира русского человека. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: осмыслить соотношение концепта «юрродство» с концептом «свобода», «творческое поведение» и другими культурными доминантами.

Термин «гештальт» реализуется в современной психологии, когнитивистике, филологии, культурологи, фольклористике, этнологии и других науках в целом спектре значений¹. Этот термин «в интерпретации О. Шпенглера стал означать целостность бытия “организма” в его изменениях и развитии»², когнитивную призму, преломляющую действительность³ и формирующую неповторимую картину мира народа, основанную на специфическом для народа прасимволе. Традицию О. Шпенглера развивал Г. Д. Гачев, изучавший ментальности и образы мира народов мира. А сам О. Шпенглер опирался на И.В.фон Гете. Изучением гештальта занимались также Х. фон Эренфельс, С.Н. Иконникова, П.А. Сорокин, именуя их ментальностями, Н.А. Хренов и многие другие. Обобщая сказанное учеными, отметим, что Гештальт – это личностная доминанта культуры, сохраняющей свою цельность, несмотря на ряд метаморфоз, которые она, подобно безвольному растению или, лучше сказать, свободному человеку, переживает от своего зарождения до расцвета и стадии цивилизации и смерти. По фотографии ребенка невозможно узнать старика, но это один человек, обладающий одними и теми же генами. Гештальт – это цельность культуры, проступающая сквозь все разнообразие ее проявлений во времени и в культурном пространстве, то есть в сферах религии, философии, культуры, науки, быта, поведения человека, где часть отражает целое, не сводимое к сумме частей. Сам О. Шпенглер использует не термин «личность», но понятие «душа культуры». В результате мы сталкиваемся с тем, что определяем одно неизвестное через другое неизвестное. Определить сущность личности или души культуры – дело еще более сложное, чем дать представление о гештальте.

¹ Леонов И.В., Соловьева В.Л., Халльбек Д. «Гештальткультуроология»: концептуализация, дисциплинарный статус и история исследований // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2020. № 40 С. 92–107.

² Леонов и др. Там же. С. 96.

³ Леонов и др. Там же. С. 93.

О. Шпенглер пользовался в своем труде научными метафорами, сопоставляя, например, типы культуры с цветами и растениями и стремясь найти, с опорой на И.В. фон Гете, прарастение, образ (гештальт) универсальной культуры. Следуя его традиции, оставим за гештальтом метафору личности, а опираясь на достижения семиотики сопоставим его с кодом культуры. Отличие гештальта от кода культуры состоит в том, что культурный код скорее сопоставим с геном личности, а гештальт – с многообразием форм, в которых он реализуется. О. Шпенглер противопоставляет гештальт – статичному закону, однако код культуры – это не закон, а условие порождения законов, например, поведения людей в различных ситуациях. Отметим также, что сакральный культурный код определяет профанный код. Оба кода, вступая во взаимодействие, формируют культуру поведения человека в целом.

Гештальт как термин культурологии опирается на врожденные способности мозга. Преодолевая стереотипное представление ученых, считающих, что концепты в сознании человека складываются в результате восхождения от опыта к обобщению, современная нейролингвистика и психология свидетельствуют о профетической функции мозга при создании культурной картины мира в целом и языковой картины мира в частности. Мозг способен к «предсказательному кодированию»⁴, опережающему сигналы, поступающие из окружающего мира. Картина мира складывается не как сумма эмпирически воспринимаемых частей, а в результате способности мозга предсказывать действительность в ее цельности.

Гештальты исполняют в жизни человека положительную и отрицательную функцию. Положительная функция состоит в том, что благодаря гештальтам, определяющим культурную картину мира происходит трансляция духовных ценностей и родительского опыта. Культура базируется на фундаментальных ограничениях свободы человека, на табу и запретительных заповедях, гарантирующих выживание культуре и человеческому сообществу. Отрицательная функция гештальтов связана с тем, что они формируют типы восприятия мира, поведенческие модели, описанные Э. Берном игры, из-за которых в святоотеческой традиции появилась концепция «жизнь есть сон», ибо «все

⁴ Акимов П. Что такое гештальт и зачем его закрывать // РБК: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f27b9ed9a79478d097ae29b>. (Дата обращения: 12.09.2023).

здешнее, земное призрачнее снов, тени, дуновения ветерка»⁵, и кажется, что «мир для каждого из нас — это своего рода управляемая галлюцинация»⁶. У каждой культуры свой миф о реальности. Эпатируя, юродивый ломает стереотипно-мифологическое представление человека о жизни, возвращает сознание к творческому восприятию бытия и к творческому общению с Богом. Гештальт вырывает человека из сферы естественного, из мира стихийной вседозволенности, из хаоса, выводит на уровень культуры, запреты, заповеди и табу которой – величайшие ее хранители. Юродивый ломает культурную картину мира. Юродивому важно, на разломе культуры, соприкоснуться не с изначальным хаосом, а с умонепостигаемыми божественными откровениями, с благодатью, которая превышает человеческое сознание.

Противостояние культурной картины мира, ее гештальта – и высшего ума юродивого, который внешне проявляет себя в безумии, Ф.М. Достоевский осмыслял как антитезу евклидова и неевклидова ума, о котором Иван Карамазов говорит Алеше: «<...> где ж мне про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум евклидовский, земной, а потому где нам решать о том, что не от мира сего»⁷. Высшим, неевклидовским умом наделяет писатель князя Льва Николаевича Мышкина («Идиот»), сочетающего черты князя Христа и юродивого.

Осмысляя место неевклидова ума в семиотической системе культуры, отметим, что хаосу, безблагодатной естественности и безумию бесноватых противостоит евклидов разум, а этому рационалистическому разуму – высший ум юродивых, добровольно ради бесславия берущих на себя обличье последних, а также некоторые черты поведения киников, например Диогена Синопского⁸. Юродивым также присущ «имморализм» дионисийского нагоходства. Итак, если византийское юродство воцерковляет безумствующую киническую и имморальную дионисийскую традиции, то русское юродство опирается на

⁵ Дамаскин Иоанн, преподобный. *Сказание о жизни Варлаама и Иоасафа*. М.: Сибирская Благовонница, 2013. С. 97.

⁶ Акимов П. Цит. изд.

⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // *Собрание сочинений в 15 тт.* Т. 9. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 264

⁸ Шарбарина Е.А. Генезис юродства в византийской традиции // *Идеи и идеалы*. 2022. Т. 14. № 4-1. С. 101–103.

фольклорного Иванушку-дурачка. Как в сказках на смену Ивану-царевичу приходит Иванушка-дурачок⁹, так благоверного князя, например Александра Невского или Дмитрия Донского, сменяет юрод и похаб, святой нагоходец.

В семиотических штудиях Клод Леви-Стросс¹⁰ осмысляет движение от природы к культуре как процесс обретения и приручения огня, умения готовить, обретения украшений, ядов для ловли рыбы, как отказ от инцеста. Юродивый внешне движется прочь от культуры и ее гештальтов, но его задача – вернуться не в природу, а к Богу. Святость для юродивого – единственное условие творческой свободы. А для этого необходимо достижение бесстрастия.

Святой Серапион испытывает бесстрастие подвижницы тем, что предлагает ей нагоходство, на что святая дева отвечает:

«“Я многих соблазню (σκανδαλίζω) непристойностью этого поступка (ἀσχημω του πράγματος*), и [люди] получают основания сказать: она сошла с ума и беснуется (έξέστη και δαίμονιώσά έστι)”. – “А тебе что за дело?... – отвечал Серапион. – Ведь ты умерла для людей”. Тогда девица ему сказала: “Если что либо другое прикажешь, я сделаю, но до такой степени [бесстрастия] я еще не сподобилась дойти”. А Серапион ответил: “То то же! Не особенно гордись, словно ты всех благоговейнее и умерла для мира, ибо я мертвее тебя и делом могу доказать, что я умер для мира: ведь сам я все это могу проделать, бесстрастно и не стыдясь (αλαθώς* και άνεπεισχύντως*)”»¹¹.

Приведенный диалог двух подвижников интересен своей системой оппозиций:

Смерть для мира – гордость перед миром добродетелью, равная жизни для мира.

Безумие – норма, культурный гештальт, равный уму (евклидову).

Бесстрастие – страх непристойности.

Нагоходство – страх стыда.

В русскую языковую картину мира вписана идея: мир во зле лежит. Смерть для мира – смерть для его зла – оборачивается воскресением к новой жизни.

⁹ Федотов Г. *Святые древней Руси*. М.: АСТ, 2003. С. 181.

¹⁰ Леви-Стросс Клод. *Мифология: человек голый*. Москва: FreeFly, 2007. 781 с.

¹¹ Иванов С.А. *Блаженные похабы. Культурная история юродства*. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 75.

Следовательно, для юродивого, как и для трикстера, категории «жизнь» и «смерть», «безумие» и «ум», «эпатаж» и «норма» поменялись местами. Аксиологический перевертыш, или революция, порождает святой смех: «Истинно, я не останусь, но, одетый славой Христовой, пойду, чтобы смеяться над миром»¹², – делится авва Симеон своими планами со своим братом во Христе Иоанном. Юродивый стал воцерковлением типа трикстера. Даже обманывая и смеясь, трикстер может служить добру и истине – так Прометей обманывает и выкрадывает огонь с Олимпа, но его обман становится благом для людей и основой культуры. Кажется, из зла следует добро. Так, св. Симеон разбивает кувшин и терпит побои от хозяина, чтобы спасти его от смерти, поскольку в этот кувшин змея испустила свой яд¹³.

Юродство – служение добру, кажущееся евклидову уму служением злу.

Юродство – потемневшая икона, таящая светоносный лик.

Светское бунтарство против нормы и любых проявлений гештальта – форма рабства норме, поскольку протестантизм немислим без Католичества. Протестующий заинтересован в том, чтобы было, против кого протестовать, и протестом выражает заинтересованность в его существовании.

Сакральное бунтарство – стремление вывести разум на высший уровень, призыв к творческой свободе общения с Богом, для Которого все условности человеческой культуры – абсурд, а важна только Любовь между людьми, Любовь к Нему, к Богу, важна творческая свобода.

Юродивые утверждают свою свободу творчески созидать свою жизнь, разрушая нормативную картину мира и лежащий в ее основе гештальт здравого смысла. Смеясь над миром, авва Симеон также заходил нагишом в женскую баню, чтобы утвердить свое бесстрашие и свободу¹⁴.

Нагота – важная доминанта культурного гештальта, картины мира и кода культуры.

Первый опыт, который человек пережил, находясь еще в раю, в первый миг после описанного в Библии грехопадения [Быт.3:7], – это опыт ужаса и стыда при виде своей наготы. Уже в раю человек прозрел и понял, что наг. Нагота – символ зла, которое вошло

¹² Полякова С.В. (ред.) *Византийские легенды*. М.: Ладомир, 1994. С. 66

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ Там же. С. 70.

в природу человека после грехопадения, а культурные запреты выражают попытку культуры справиться со злом, что живет в природе человека и ведет к войне всех против всех.

В преподобном освящается личность человека, в юродивом – не только личность, но и природа. Преподобный стремится освободиться от личного греха, а юродивый – также и от первородного, вошедшего не в личность, а в природу нагого человека.

Однако свобода юродивого от греха сама выглядит как грех и эпатаж, как причастность дионисийской смеховой культуре.

Распад культурного гештальта и аксиологическая революция лежат в основе важного типа комического – абсурдизма фольклора и народной смеховой культуры, следуя традиции которой Ф. Вийон, если следовать французскому оригиналу, готов от жажды умирать над фонтаном и черного ворона называть белым лебедем, то есть ставить знак равенства между добром и злом («Баллада поэтического состязания в Блуа»¹⁵).

Отказываясь от ограничивающей человека культурной нормы, юродивый обретает в Боге абсолютную свободу. Но это не свобода вседозволенности, а свобода святости. Без этой свободы невозможно творчество.

Жить во имя этой высшей свободы завещает авве Симеону брат Иоанн: «Смотри, прошу тебя, когда осязают руки твои, да не осязает с ними вместе и душа, когда рот вкушает, да не наслаждается сердце <...>, чтобы <...> ум твой и сердце твое пребывали бесстрастными и спокойными»¹⁶.

Для Руси характерны подвиг юродства и идея высшей свободы и высшего разума, не рационалистического, как на Западе, а созерцательного, духовного, которым обладает, например, князь Мышкин. На Западе юродство и высший разум находятся на периферии культуры. Юродство и страстотерпчество отражают специфическую душу русской культуры. В этом смысле юродство тоже является частью культурного гештальта. В русской культуре борются гештальт культурной нормы и гештальт свободы, которая в сакральной области проявляется как юродство, а в профанной – как русское бунтарство и стихийность.

В основе юродства лежит сакральный код культуры –

¹⁵ Вийон Ф. Баллада поэтического состязания в Блуа. URL: <https://stihi.ru/cgi-bin/login/page.pl>. (Дата обращения: 13.09.2023).

¹⁶ Полякова С.В. (ред.) *Византийские легенды*. С. 67.

кенотическое богословие, характерное именно для Руси. Как юродивый являет мудрость и целомудрие в форме безумия и эпатажа, так в кенотическом богословии Бог и Творец мира предстает как раб на кресте. Бог являет себя в образе раба. Размышляя об истоках и причинах столь глубокой укорененности кенозиса в русской культуре, нельзя не отметить роль глаголицы в формировании кенотического богословия, подвига юродивых и страстотерпцев, которые вменяя ни во что свое княжеское или царское достоинство, принимают смерть от своих подданных.

В исследованиях Л.Б. Карпенко начертания букв глаголицы осмысляются как символы, выражающие суть догматического богословия.

Исследовательница особое внимание уделяет букве «ерь», начертание которой в глаголице не походило на твердый знак: «Имя этой буквы обычно производят от аерь — «воздух». Однако этимология этого имени представляется иной. В контексте рассматриваемой христианской символики ерь соотносится с греч. “священный” и присутствует в таких старославянских словах, как: иера, иераполь, иереи, иерейскъ, Иероусалимъ и под.

Формой своей буква <...> напоминает человеческий эмбрион и символизирует рождение, возрождение, жизнь, ерь <...> есть символ плода во чреве, плода в утробе, о котором говорится в Библии как о благословенном даре Бога: **Благословит плод чрева** (Втор. 7, 13); **Благословен плод чрева Твоего** (Лк. 1, 42); **Вот наследие от Господа: дети; награда от Него — плод чрева** (Пс. 126, 3)¹⁷, при этом рождение младенца как «рождение месяца»¹⁸. Исследовательница указывает на интерес св. Кирилла к богословию и цитирует св. Григория Нисского: «Он определяет Бога как онтологическое начало, исток и предел всего сущего: “Неизъясним Ты один, ибо Ты – исток всех познаний... Все пребывает в Тебе, и все Ты объясняешь собою как всеобщий предел”»¹⁹. При этом поразительно, что гласным, который символизирует Рождество Христово, становится не полнозвучное «А» или «О», а редуцированный звук²⁰. В IX в., когда создавалась азбука, редуцированные еще не пали и могли быть даже под

¹⁷ Карпенко Л.Б. *Глаголица – славянская священная азбука. (Семиотический анализ в контексте Библии): Монография.* Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 1999. С. 110

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 70.

²⁰ Пятаева Н.В. Фрагменты второго (исправленного и дополненного) издания энциклопедии для школьников и студентов «Русский язык. Языкознание» // *Говор: альманах.* 2023. № 5. С. 684

ударением, но произносились словно призыв, не требующий выраженной артикуляции. А полнозвучное «А», торжествующее и светлое, ассоциировалось не с символом, например, Троицы, являющим полноту Божественного Бытия, а со знаком Креста, на котором Бог умалился и умер, как раб, чтобы воскреснуть, как Бог.

Итак, Боговоплощение было обозначено не полногласным звуком, а редуцированным. А крестные страдания, или редукция Творца в творении, наоборот, соотнесены с полнозвучным «А». Это ведет нас к пониманию, как уже в древности, при святых Кирилле и Мефодии, складывалось представление о юродстве и о кенотическом богословии, зафиксированном в графике – в начертании букв глаголицы. На уровне символического смысла начертания буква «ерь» – царь. На уровне звучания – раб. Ерь – царь в образе раба.

Юродивый достигает свободы творить свою судьбу по образу судьбы Самого Христа, не оглядываясь на гештальт своей культуры, превозносящей царя и унижающей раба.

Литература

- Акимов П. Что такое гештальт и зачем его закрывать. // РБК. [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f27b9ed9a79478d097ae29b>. (Дата обращения: 12.09.2023).
- Вийон Ф. Баллада поэтического состязания в Блуа. [Электронный ресурс] URL: <https://stihi.ru/cgi-bin/login/page.pl>. (Дата обращения: 13.09.2023).
- Дамаскин Иоанн, преподобный. *Сказание о жизни Варлаама и Иоасафа*. М.: Сибирская Благовонница, 2013. 303 с.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // *Собрание сочинений* в 15 тт. Т. 9. Ленинград: Наука, Ленинградской отделение, 1991. 697 с.
- Иванов С.А. *Блаженные похабы. Культурная история юродства*. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
- Карпенко Л.Б. *Глаголица – славянская священная азбука. (Семиотический анализ в контексте Библии): Монография*. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 1999. 209 с.
- Карпенко Л.Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // *Государство, Церковь, религия в России и за рубежом*. М.: Изд-во РАГС, 2009, №2. С.16–39.
- Леви-Строс Клод. *Мифологика: человек голый*. Москва: FreeFly, 2007. 781 с.
- Леонов И.В., Соловьева В.Л., Халльбек Д. «Гештальткультуроология»: концептуализация, дисциплинарный статус и история исследований // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2020. № 40 С. 92–107.
- Полякова С.В. (ред.) *Византийские легенды*. М.: Ладомир, 1994. 302 с.
- Пятаева Н.В. Фрагменты второго (исправленного и дополненного) издания энциклопедии для школьников и студентов «Русский язык. Языкознание» // *Говор: альманах*. 2023. № 5. С. 678–736.
- Федотов Г. *Святые древней Руси*. М.: АСТ, 2003. 701 с.
- Шарабарина Е.А. Генезис юродства в византийской традиции // *Идеи и идеалы*. 2022. Т. 14. № 4-1. С. 98–119.